

Моск. правда - 1993 - 8 марта - с.1

«Еще меня любите за то, что я умру»

Эта строчка Марины Цветаевой не случайно стала заголовком: судьба несправедлива к неординарному, она редко отпускает им долгий век. В Америке таких называют жирафами, в России — белыми воронами.

Бывая в Тарусе, я часто слышала о Надежде Загайновой: полузапретное тогда творчество Марины Цветаевой было смыслом жизни тарусского библиотекаря. Имя Нади всплывало вдруг в разговорах со знакомыми в Москве, в журнале «Москва», в «Собеседнике» наткнулась на публикации, упоминавшие Загайнову, а вот познакомиться не выпало случая.

Героини этого повествования уже нет на свете, и эпизоды ее недолгой жизни рассказаны теми, кто хорошо знал Надю, в основном двумя ближайшими ее друзьями — это научный сотрудник Надежда Шиянова и художник Виктор Иванов.

НАДЯ

В калужской квартире Вити Иванова живут куклы. Он делал их вместе с Надей для областной выставки декоративно-прикладного искусства. Работали по старинной технологии: голова, но-

ги-руки — из глины, туловище набивное. Наряды красотками шила Надя. Одна кукла — автопортрет: маленькая, кругленькая, добрые синие глаза на румянном лице. Говорят, очень похожа.

В той же квартире есть стена памяти Нади, где среди Витиных картин фото: совсем юная девушка с гладко зачесанными волосами на фоне библиотечных стеллажей. Типичная книжная барышня, веточка сибирского старообрядческого рода. Именно такой появилась она тринадцать лет назад в Тарусе с дипломом библиотекаря, выданным Московским институтом культуры. На Оку привела Надю страсть к Марине Цветаевой. Впервые открыв для себя мир поэта в 12-летнем возрасте, она начала изучать все, что касалось Цветаевой.

В маленьком приокском городке семья Цветаевых, столько давшая России, провела в общей сложности 20 лет. Первый поэтический опыт Марины связан с этими местами. «Таруса — место моей души, — говорила о себе Марина Ивановна. — Когда слышу слово Таруса — оборо-

ОКОНЧАНИЕ НА 7-й СТР.

«Еще меня любите за то, что я умру»

НАЧАЛО НА 1-й СТР.

чиваюсь». То же самое могла сказать о себе и Надя Загайнова, увидевшая этот райцентр Калужской области не в лучшие для знаменитого города времена, когда чиновничий произвол, идеологические колодки, да и просто полное безразличие к отечественной культуре успели сделать свое черное дело.

Церковь на Воскресенской горе, где венчалась мать Марины, использовалась как склад, собор был обезглавлен, дача профессора Цветаева «Песочное» исчезла в одну ночь, чтобы освободить место танцплощадке дома отдыха имени Куйбышева, в доме швейцарки Тьо, воспитательницы матери Марины и Анастасии Цветаевых, изуродованном до неузнаваемости, жили шесть семей. Бездарные железобетонные коробки покрыли обширную поляну в старой березовой роще, крутой окский берег напротив города облепили «курятники» Института космических исследований, а сам Русский Барбизон, как называл Тарусу почетный ее гражданин Константин Паустовский, из прибежища художников, артистов, писателей стал зоной 101-го километра с вытекающими из этого криминальными последствиями.

Там, где стоит на высоком берегу невыразительный памятник тарусянам-фронтовикам, в начале века была сцена. На ней давали концерты актеры и музыканты, жившие и отдыхавшие в Тарусе. Традиции города, сыгравшего столь заметную роль в истории отечественной культуры, страстно желала возродить библиотечкарь Надя Загайнова. В народном театре поставила с детьми «Золушку». Больше не удалась — бедность народного театра, бесправие его не давали возможности работать. Надежда не желала с этим примириться. Ее энергия часто переклещивалась через край, и местные, равно как и областные чиновники морщились: воду мутит. Из библиотеки пришлось уйти, из народного театра тоже.

Стала директором районного бюро путешествий и экскурсий, о чем местные начальники очень скоро пожалели — она ездила в Министерство культуры, стучалась в Москве во все двери: помогите, вмешайтесь, спасите. Спасать было что. Высокий берег Оки, Долина Грез, осененная духом двух великих русских людей — поэта Цветаевой и художника Борисова — Мусатова, приглянулась Центракадемстройа под дачи, которые множились не по дням, а по часам. Разочаровавшись в столичных заступниках, Загайнова без дипломатии принялась уличать тарусские власти в личной корысти. Ну кому же правда мила? Поводов говорить правду не убывало, и врагов Надежда нашла видимо-невидимо.

Власть свои интересы соблюдала, и на работу Загайнову куда не брали. Дома — двое ма-

леньких детей, и надо на что-то жить. Для себя лично она никогда ничего не просила. Бывало, танцуя втроем на 60 рублей в месяц, а дом всегда был открыт для гостей. В кухне, которую хозяйка расписала крупными цветами, пахло пирогами. Милая деталь — в квартире круглый год жили божьи коровки.

Ей было очень трудно, но мощный дух не позволял расслабляться: пусть никто не видит, что плохо. Значит, помада, поярче, экстравагантный наряд, изготоленный из старья, улыбка во весь рот. Лишней копейки сроду не было, а последним могла поделиться. Жила по библейскому завету: хлеб наш насущный даждь нам днесь. На хлеб Бог давал. Ее спасал лес — собирала травы, ягоды, грибы, которые тарусяне сроду за добро не считали, перешивала старые вещи. Спасал Арбат — ездила продавать свои поделки. И, конечно, спасала Цветаева.

Для кого-то творчество Марины Ивановны — профессия, а для Надежды это было жизнью. Она налаживала контакты с литературоведами, ходила на все сценические представления, имеющие отношение к Цветаевой. Подготовила собственный спектакль под названием «Флорентийские ночи», где была и сценаристом, и режиссером, и исполнителем. В композицию включила переписку Марины, стихи, прозу. Три года назад все лето ездили втроем — Надежда Загайнова, Надежда Шиянова и профессиональный аккомпаниатор — по домам отдыха и пансионатам противоположного, тульского берега. На своем, калужском, по команде райкома не принимали. Таруса так и не услышала этот спектакль полностью.

Темпераментная, всегда бурно стремящаяся обратить собеседника в свою веру, в броских рядах, с яркой бижутерией, на сцене она становилась совсем другой — строгое платье, гладкая прическа, и начиналось нетерпеливое повествование без всякого актерского наигрыша, как бы невзначай. Аудитория собиралась разная, и некоторые, не поняв, что речь о другой женщине, спрашивали: это она о себе? Спектакль производил ошеломляющее впечатление. Многие плакали. Слышавшие Цветаеву в исполнении Демидовой, Дорониной сходились во мнении, что здесь Надежда превзошла профессиональных актрис.

Фрагменты этого спектакля Надя исполняла на знаменитых теперь Цветаевских кострах. Этот октябрьский костер собирался в день рождения Марины людей со всей России, но не все знают, как возникла традиция.

Как ни чудно, подыграл райком. На заре перестройки любить Цветаеву было еще не велено, райкомовские идеологи именovali ее не иначе, как бело-гвардейкой, а Шиянова с Загайновой решили провести в день ее рождения поэтический вечер.

Районный уполномоченный КГБ сильно напрягался, помещения не дали, во избежание неприятностей рекомендовали разойтись по домам. Тогда Надежда Шиянова, работавшая экскурсоводом, под видом экскурсии повела всех к цветавской даче, в Долину Грез. Было холодно, шел дождь. Зажгли костер, читали стихи. Через два года, исполняя завет Марины, на этом месте положили камень. На нем надпись: «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева». Вокруг этого серого камня Надя Загайнова посадила рябины.

Несколько лет назад обе Нади задумали восстановить старый бревенчатый дом Тьо и организовать в нем музей Марины Ивановны. Райком косился, энтузиасты бились в одиночку. Между тем ветры идеологической перестройки крепчали, и вдруг оказалось, что любить Цветаеву можно! Гонимые «белогвардейки» вмиг превратились в ее ревнителей, смекнув, что идея музея неплоха, а конкуренты ни к чему. Районная газета опубликовала список общественного совета. Загайновой и Шияновой в том списке не было.

Многие с трудом понимали ее: сидит без работы — и улыбается, жить не на что — а у нее все какие-то далекие идеи.

— Остановит на улице, начинает говорить о народном театре, новых постановках. Смотришь на нее: Боже, кругом развал, о чем это она? А потом поразмыслишь — какое счастье, что есть еще люди, способные жизнь воспринимать иначе, — рассказывал один из хорошо знавших Надежду.

Она действительно на многое смотрела по-другому, поднимаясь над серой обыденностью, а в жизни была несчастлива и беззащитна, как всякий, кто не умеет причинить зла. Сценический псевдоним Веселая (по фамилии бывшего супруга) — память о нерадостном замужестве. Но судьба проявила наконец благосклонность.

ВИТА

Жизнь свела этих людей совсем не случайно. Надя выразила это так: «Наше с тобой сиротство — одного корня», а Витя так: «Всю жизнь искал человека, у которого смертельная надобность во мне». Но не только это.

Когда-то, служа в армии, он столкнулся с мерзостью дедовщины и в одиночку повел борьбу с «нетипичным», как говорили тогда, явлением. Явления не одолев, но к себе должного отношения добился. Новобранцев опекал, как мог.

Когда произошло вторжение в Афганистан, Витя, сидя на Кировабадском военном аэродроме в ожидании отправки, мечтал, что напишет родителям о своей доблестной подмоге дружественному народу. Но что-то не сработало, и он среди других зеленых мальчиков из Кировабада не вылетел, о чем долго горевал. Через год в части появился

офицер, прошедший Афган. После его рассказов Витя возненавидел всякую войну.

Когда рванул Чернобыль, военкомат вспомнил об Иванове. Все знали, куда и зачем посылают, и военком знал это лучше всех, но не забывал время от времени повторять, что конечный пункт маршрута — город Курск. Увиденное в Чернобыле оказалось не менее впечатляющим, чем увиденное в армии.

Мирные будни тоже кое-чему учили. Однажды ему, художнику-оформителю Калужской обувной фабрики, велели написать транспарант для демонстрации: «Да здравствует Советский Союз!». Когда закончил работу, увидел, что буква «т» из слова «советский» выпала. Переделывать было некогда, оставалось положить на милость божью. Пропажи никто не заметил, и транспарант пыл над колонной и в тот год, и на следующий, и через год. Наверное, шло бы так и дальше, да тут демонстрации прекратились. Так же, как и Надя в одном из своих стихотворений, Витя мог сказать о себе: «Королевство кривых зеркал окружает меня повсюду». Мысль эта угнетала.

Когда военкомат в очередной раз попытался заявить свои права на военнообязанного Иванова, тот сказал: можете судить, но оружие в руки больше не возьму никогда. Его оставили в покое. Потом был первый, тогда еще Всесоюзный, фестиваль афганских песни. Друзья пригласили Витю участвовать. Через некоторое время получил по почте альбом грампластинок, где с удивлением увидел среди лучших четыре свои песни.

Он давно любил Цветаеву, говорил о трагической ее жизни, и эта скорбь усилилась, когда впервые попал в Тарусу зимой 1989 года. Посидел возле Цветавского камня, обвел взглядом Долину Грез, синие заокские дали, и что-то переменялось в душе. Он написал тогда длинное стихотворение, которое начинается так:

На Троицком соборе
нет крестов.
Скользит капель по стеклам
циферблата.
А где-то тает над Окою
тихий звон
Колоколов так скромно
и так свято.
Капризный март теснит
к обочине февраль.

Грачи уже расклеивают зиму. Собор хранит высокую печаль И не сгибает раненую спину. Рвался в Тарусу, но снова приехать смог только через два с лишним года. Тем теплым августом хотелось выплеснуть в стихах, песнях и картинах то, о чем страдала душа, но бумага и холст оставались чистыми, гитарные струны нетронутыми. И вдруг у входа в столовую дома отдыха, того самого, где на месте снесенной цветавской дачи устроили танцплощадку, — афиша: «Памяти Марины Цветаев-

вой. Страницы былого. Ариадна Эфрон. Исполнитель — Надежда Веселая».

Витю ошаршило: вот он, цветавский сюрприз!

Зрителей было немного, человек 20, и все сидели, как под гипнозом, во власти невысокой молодой женщины. После спектакля он постеснялся подойти к ней. На следующий день срок путевки истек. Чудесный спектакль не выходил из памяти.

И вот конец августа, дождь на Арбате, куда Витя с приятелем привезли свои картины. Наискосок от них женщина с двумя детьми разыгрывала в лицах перед зрителями события недавнего путча. Витя подошел: «Я вас знаю. Вы — Надежда Веселая». В ответ: да, я веселая, даже очень веселая. Поговорили о Тарусе, о концерте. Он предложил выбрать свою картину. Радостное недоумение: вы мне дарите? Мне никогда ничего не дарили, я всегда дарила сама. Картина, выбранная Надеждой, называлась «Бывали дни веселые». Она пригласила: «Приезжайте в Тарусу 12 сентября, у моего Коли день рождения».

Витя приехал. Через плечо гитара, в руках букет роз и подарки для десятилетнего Коли. Удивлению Надежды не было конца: «Я всем давала свой адрес, но никто не приезжал, а вы отважились». Они проговорили весь день. Для Вити все было так странно: Цветаева, Таруса, собственная душевная боль и эта женщина, которая сразу призналась ему, что все считают ее блаженной.

Между Тарусой и Калугой протянулась тоненькая, готовая порваться ниточка. С поездками Витя решил повременить, пока не напишет что-нибудь существенное. В начале зимы послал Надежде объемистый пакет с текстами песен, а под новый, 1992 год Надя откликнулась горячим письмом.

Когда он приехал снова, Таруса лежала в глубоких снегах. Надежда вышла встречать. На ней были... нет, не сапоги — чулки, развалившаяся, немилосливо старая обувь в бесконечных кожаных латках. «Сапоги «авангард», — засмеялась она, перехватив Витин взгляд. — Тебе не нравится?».

Через неделю он появился с большим свертком: «Вот тебе и Коле, и кончайте, ребята, в «авангарде» по снегу шлепать». Надя была в восторге: «Я под них такое себе сошью! А пока пусть полежат».

Что было потом? Они были счастливы весной того «черного года безумной обезьяны», как поется в одной из Витиных песен. Делали куклы, писали сценарии, готовились к летним выступлениям: Надежда — тчец, Витя — аккомпаниатор на гитаре. Много времени проводили среди природы, хотели, когда прогреется Ока, переплыть на другой, поленовский берег. Поход в Долину Грез был ритуалом. По пути запевали положен-

ные ими на музыку стихи Цветаевой «Над синевой подмосковных рощ», Витя играл на флейте. Когда пришел май, решили развести рядом с Окой крошечный огород, но не простой, а авангардный: где-то услышали, что картошку можно сажать, разбрасывая глазки из горсти. Примерно так же посадили и все остальное. Шутка? Забава? Сами не знали, что. Жизнь была полна, но странное дело — обоих томило предчувствие. Неспроста Витя, никогда не снимавший, взял в руки фотокамеру. Случайный прохожий щелкнул их вместе. На том трагическом снимке — свежая майская зелень, женщина с безмятежным лицом прислонилась к любимому, его рука уверенно лежит на ее плече.

Надежда сказала тогда: «Горем я закалена. Убить меня можно только счастьем, а сейчас я немилосливо счастлива. Так счастлива, что могу умирать. Как хорошо, что ты разглядел во мне не Надежду Веселую, а Надю Загайнову».

В самом деле, отдавая должное ее неординарности, он видел в ней прежде всего женщину, которую ждал всю жизнь. Для него не только красноречивое имя ее — фамилия была полна глубокого смысла: Загайнова — за гаем, за березовой рощей, живущая новая.

ВСЕ ОБОРВАЛОСЬ НА ВЗЛЕТЕ

Витя уехал в Калугу всего на несколько дней с намерением вернуться в пятницу, 29 мая: они хотели встретить лето шашлыком на берегу Оки. Надежда отправилась в Москву: наконец-то забрехала возможность осуществить то, о чем мечтала больше десяти лет, — снять фильм о Цветаевой. Написанный Загайновой сценарий давно дожидался своего часа.

Возвращаясь из Москвы, опоздала на последний автобус. Водитель красного «Запорожца» согласился довезти. Только выехав из Серпухова, непьющая пассажирка разобралась, что водитель пьян, и принялась угваривать его не гнать. Домчались до Волковского. Есть там один поворот, где всякий трезвый притормаживает. «Запорожец» перевернулся шесть раз. Пьяный отделался легким испугом. У Нади переломились шейные позвонки. За неделю до этого Витя видел сон: красная машина летела кубарем.

Он уже собирался на автостанцию, когда зазвонил телефон. Из Тарусы сообщали, что Надежду с тяжелой травмой везут в Калужскую областную больницу. Он успел до операции.

— Витенька, это Бог послал нам испытание, но все будет отлично. Я здоровая, как лошадь. Главное — жива. Все остальное беру на себя. У меня ничего не болит, вот только руки и ноги не слушаются.

И ужас Вити: лучше бы у тебя все болело!

Заведующий нейрохирургией не скрывал: безнадежна. Пролетжи, отек мозга, отек легких, упадок сердечной деятельности, смерти. На эту перспективу опытный врач отводил две недели. Когда Витя в тот день выходил из больницы, земля под ногами качалась.

Он переселился в больницу, исхлопотав себе право не отходить от Нади. Ее привезли с операции всю в трубках, растяжках. Температура выше 39. Тело абсолютно неподвижно. Голова раскалывается. «Бегаешь вокруг и не знаешь, что делать. И никто не знает — ни врачи, ни сестры. От одного этого можно с ума сойти».

Однажды Надежда сказала ему: «Витя, когда я выздоровею, я буду всю жизнь ходить за тобой, как собака». Ее родственники заключали на него пари: воробушек скоро отчирикает. Но понемногу желтели клены под окном палаты, а он делал изо дня в день то, что требовалось: кормил, поил, убирал, мыл, менял постель, делал массаж. Да что рассказывать... Кто знает, что такое лежачий больной, поймет. Он очень мало ел, очень мало спал. Похудел на 16 килограммов, став похожим на подростка.

— Ты не представляешь, что она перенесла. Тело ничего не чувствовало, а голова... Понимаешь, даже на подушке лежать не могла — крутил ей бараночки из ваты. Будь у меня выбор, лег бы на ее место, лишь бы она поднялась. Останься она жива — всю жизнь возил бы в коляске.

Витя, оказавшись среди беспомощных женщин, ухаживал за всеми.

Однажды, когда позади были уже три операции, ему показалось, что пальцы на руках чуть шевельнулись. Бурная радость: ну, теперь дело пойдет, с ее характером встанет, все остальное сделаю я.

Чуда не случилось. Надежде повиновался только язык, но мощный дух, живший в этом бездвигательном теле, не сдавался. Всего навидавшийся нейрохирурги были поражены: самая тяжелая их больная шутила, смешила всю палату и, что совсем уж невероятно, давала свой спектакль «Флорентийские ночи!» Когда врачи отводили ей две недели после аварии, они не знали ни Нади, ни Вити.

Но предательские пятна расползались по телу. Очень скоро пришлось вырезать первый пролежень на спине. Наркоз не понадобился. В рану входил кулак. Надежда ничего не поняла, объяснялись ей не стали.

31 августа Витя закончил читать вслух книгу «Быт и бытие Марины Цветаевой». Вечером по «Маяку» звучала передача памяти поэта — именно в этот день 51 год назад свела счесть с жизнью Марина. Пугачева пела стихи:

Уж сколько их упало в эту бездну,

Разверстую вдаль!
Настанет день,
когда и я исчезну
С поверхности Земли.

По Надиному лицу текли слезы. В это время на глазах угасал отец. Витя рвался между двумя дорогими людьми, но мать, Галина Дмитриевна, поняла сына: весь груз забот об умирающем она взвалила на себя. 23 сентября, не дожив месяца до 55 лет, Анатолий Петрович скончался. А еще через три недели Надю стали готовить к выписке в Тарусскую районную больницу — перевозили поближе к кладбищу. Она, к счастью, поняла это по-своему:

— Витя, я так хочу домой! Вот увидишь, там мне поможет Марина Ивановна. Я встану на ноги, надену твои сапоги и побегу в них по первому снегу!

Клены под больничным окном стояли совсем голые... Тарусская больница находится в 30 шагах от дома Тьо, где после восстановления Надя хотела открыть музей Цветаевой. Когда ее вынесли из санитарной машины, попросила показать дом Тьо.

— Витя, мы проиграли. Они все испортили. Разве о таком музее я мечтала? Марина Ивановна в этом сарае жить не будет.

Она не допускала мысли о смерти, и когда Витя предложил записать ее моноспектакль на магнитофон, оборвала: вот встану, тогда и запишем.

В Тарусской больнице ей исполнилось 35 лет. Друзья принесли огромный букет роз. Они стояли, не осыпаясь, до самой ее смерти.

Незадолго до кончины вдруг: — Что он тут делает?

— Надежка, кто?

— Мужик с бородой. Прогони его. Спаси меня, пожалуйста. Рассказывать о последних ее днях нет сил. Надя умерла на рассвете 8 ноября. Накануне в окно билась синица.

Она лежит на Тарусском городском кладбище рядом с Константином Паустовским и Ариадной Эфрон, дочерью Марины Цветаевой. Марина покончила с собой в доме № 13 по улице Ворошилова в Елабуге. Надин тарусский адрес — улица Ворошилова, 13. Надежды не стало в год столетия Марины. Роковые параллели.

Двое Надиных сыновей живут у дедушки и бабушки в столице Киргизии. Витя по-прежнему работает художником на Калужской обувной фабрике. Пишет стихи, песни, картины — все это посвящено памяти отца и Надежды. Ее сценарий фильма о Цветаевой хранит как драгоценность. Возле Цветавского камня набирают силы посаженные Надей рябины.

Е. СУББОТИНА.

Короткий комментарий к фото. На камне надпись: «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева». Снимок сделан Витей Ивановым накануне аварии.